

НОНФИКШН РУНЕТА

НАДЕЖДА
ФЕДЕНКО

Пиши
→ как
Дождевица

Учимся
у мастеров.
— слова —

Надежда Феденко
Пиши как боженька.
Учимся у мастеров слова
Серия «Нонфикшн Рунета»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68010913

Пиши как боженька. Учимся у мастеров слова: АСТ; М; 2022

ISBN 978-5-17-150457-1

Аннотация

Знакомо ли вам чувство страха перед белым листом? А раздражение и злость, что не получается просто так взять и написать сразу и хорошо? А чувство стыда и неловкости за свои тексты, которые, кажется, если прочтут, то обязательно засмеют? Именитые писатели разных поколений тоже испытывали похожие чувства, но сейчас их тексты считаются эталоном. Но все же, каждый раз беря в руки книгу классика, невольно задумываешься: а что же такого необычного в этих текстах, что делает их эталоном и классикой и могу ли я научиться писать так же? Можете! Автор книги «Пиши как боженька. Учимся у мастеров слова» предлагает рассмотреть, какие приемы можно позаимствовать у признанных мастеров слова и как их можно применить в собственных текстах. Это будут совершенно конкретные разборы, без заумных и сложносочиненных филологических штук. В конце

каждой главы есть несколько упражнений, с помощью которых вы сможете усвоить пройденное независимо от того, пишете ли вы текст в собственный блог, школьное сочинение, лирическую зарисовку или наброски к будущей книге.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	6
Часть I	12
Николай Гоголь: прожектор героя	13
Иван Тургенев: искусство показывать, а не рассказывать	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Надежда Феденко
Пиши как боженька.
Учимся у мастеров слова

© Надежда Феденко, текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Предисловие

Эта тема меня занимает вот уже лет эдак ...дцать с хвостиком.

Началось все во время моей учебы на литфаке, задолго до повсеместного распространения интернета, когда я в свободное от сдачи коллоквиумов и зачетов время кропала девичьи графоманские тексты. Естественно, они были сделаны из набора юной возвышенной филологини: взять приличный кусок любовного томления, приправить историями о страстной и вечной любви, добавить по вкусу недоступный объект восхищения – и подавать горячим!

Основным моим времяпрепровождением тогда было чтение, причем чтение запойное, сумасшедшее, до мушек в красных кроличьих глазах.

Приходя домой из института, я открывала очередной том и погружалась в другую жизнь. В этом винегрете из книг «смешались в кучу» Гомер, Софокл, Лонг, «Повесть временных лет» по программе, Ахматова, Чаадаев (до сих пор не могу понять, как он-то туда попал), Джейн Остин, Чехов, Уайльд, Мериме (ах, с каким упоительным ужасом я перечитывала «Локиса» и не могла себе представить, что же сделал медведь с молодой женой), Теккереи, Диккенс...

Равные с ними права имели газеты, старые и новые журналы и покетбуки с томными красавицами и еле сдержива-

ющими страсть красавцами, мускулы которых готовы были вот-вот разорвать в мелкие клочья батистовые накрахмаленные рубашки с кружевными манжетами. Количество подробных описаний внешности персонажей, их «белокурых локонов», «мощных бедер», «зардевшихся щек» переходило все разумные границы!

Но уже в ту пору меня «терзали смутные сомнения», что тексты, которыми нас пичкали в школе на уроках литературы, созданы не только чтобы сводить с ума школьников и студентов. Что Пушкин, Гоголь, Чехов, Бунин, и даже, о Боже, Толстой, а также Джойс, Моэм, Набоков, Пруст и другие – это абсолютно реальные, «живые» люди, а вовсе не похожие друг на друга пыльные портреты в кабинете литературы.

Мало того, оказалось, что и персонажи, созданные этой «могучей кучкой», иногда выглядят куда реальнее и интереснее тех людей, которых мы каждый день встречаем на улицах.

Поэтому хотелось раскусить, понять – **КАК** это написано? Чем, помимо гениальности, таланта, магических литературных способностей нужно еще обладать, чтобы слова сводили с ума, вдохновляли, заставляли думать, смеяться, плакать – словом, **ЖИТЬ**?

Потом я окончила институт, аспирантуру, родила двоих детей, преподавала; написала и отредактировала километры текста; сто раз писала и бросала свой роман (правда, раз сто); снова училась и снова писала; брала интервью у разных

удивительных собеседников, влюбленных в свое дело; создала подкаст «Ночное» о взаимосвязях русской и итальянской культуры...

И вот теперь, уже как внимательный читатель, я вижу, что слово, которым мы владеем, – это самое настоящее сокровище. Всякий раз, когда мы мучаемся страхом «белого листа», вновь и вновь удаляем из ворда или гуглдока первое предложение, чувствуем беспомощность и отчаяние перед будущим текстом.

Раздражение и злость, что не получается сразу и хорошо, а лучше сразу, хорошо и много. Стыд и неловкость за свои корявые тексты, которые никто никогда не прочитает, а если и прочитают, то обязательно публично засмеют, разве можно «со свиным рылом в калашный ряд»... где ты – а где *великий русский роман*? Поэтому сворачивай-ка ты, матушка, свою лавочку, и займись чем-нибудь общественно полезным. Знакомо?

Именитые писатели тоже испытывали страхи, которые испытываем и мы, простые смертные. Например, колумбийский писатель и лауреат Нобелевской премии по литературе Габриэль Гарсия Маркес вспоминал, что к писательской смелости его подтолкнул рассказ Франца Кафки «Превращение». Вот как он описывает этот момент: *«Как-то вечером приятель одолжил мне сборник рассказов Франца Кафки. Я вернулся в пансион, где тогда жил, и начал читать “Превращение”. От первой же строчки я чуть не вылетел из крова-*

ти от удивления. Вот она: “Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое”. Когда я прочитал это, то подумал, что до сих пор мне не встречались авторы, которые могли бы себе позволить писать подобное. Если бы я знал, что так можно, то уже давно бы начал писать! И я тут же засел за рассказы»¹.

Чехов со свойственной ему иронией о стезе писателя говорит так: «Всякого только что родившегося младенца следует старательно омыть и, давши ему отдохнуть от первых впечатлений, сильно высечь со словами: “Не пиши! Не пиши! Не будь писателем!”. Если же, несмотря на такую экзекуцию, оный младенец станет проявлять писательские склонности, то следует попробовать ласку. Если же и ласка не поможет, то махните на младенца рукой и пишите “пропало”. Писательский зуд неизлечим»².

На самом деле, у нас под рукой есть все, чтобы помочь себе.

Хорошая новость № 1: спасение рядом!

Хорошая новость № 2: мы можем вместе перечитать знакомые и незнакомые тексты и поговорить про любовь. Любовь к словам, абзацам, метафорам, образам, удачно выстро-

¹ Юрген Вольф «Литературный мастер-класс», Манн, Иванов и Фербер, 2014 год, пер. Александра Коробейникова.

² А. П. Чехов. Сочинения в 18 томах // Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. – М.: Наука, 1975. – Т. 3.

енным диалогам. К тому, что нас выталкивает из рутины и заставляет погружаться в чужую жизнь, веря в написанное, и гореть новыми идеями.

Вместе мы подробно рассмотрим, какие приемы можно позаимствовать у признанных мастеров слова, и как их можно применить в собственных текстах. Это будут совершенно конкретные разборы, без заумных и сложносочиненных филологических штук. В конце каждой главы я предлагаю вам несколько упражнений, с помощью которых вы сможете усвоить пройденное независимо от того, пишете ли вы текст в собственный блог, школьное сочинение, лирическую зарисовку или наброски к будущей книге.

Если вы откроете комедию Николая Гоголя «Ревизор», то увидите его «Замечания для господ актеров», в которых автор подробно расписывает, как следует играть ту или иную роль. Так вот, я, следуя примеру Николая Васильевича, пишу замечание для господ читателей: не «проглатывайте» эту книгу, не торопитесь, читайте «с чувством, толком, расстановкой», записывайте мысли, которые будут приходить к вам во время чтения (а они обязательно будут приходить!). Если вы привыкли записывать свои мысли на диктофон или в телефон, попробуйте, читая эту книгу, вести записи от руки. Мелкая моторика как нельзя лучше «разгоняет мозги» на творчество.

«Я пишу от руки, потому что не привык думать за машинкой. Мне нужно чувствовать в руке карандаш, видеть,

как из-под кончика карандаша выходят слова, и если слово не то, я его просто стираю и пишу новое. Мне надо все сначала записать на бумагу. Только после этого я перепечатаваю все на машинке, но сначала мне нужно, чтоб текст был написан от руки, чтоб я чувствовал его», – говорил Уильям Фолкнер³.

Генри Миллер считал, что писателю вредит любая механистичность: *«Когда пишу от руки, у меня создается впечатление, что я более искренен, не столь литературен. За пишущей машинкой у меня все получается слишком гладко. Это напоминает проигрывание фортепьянных гамм. Моими мыслями каким-то образом управляют пальцы»*⁴.

Я не предлагаю, как пушкинский Сальери, «поверить алгеброй гармонию», разложить творчество на молекулы и атомы, вовсе нет. Но я верю, что у нас есть все шансы справиться со страхами, овладеть конкретными инструментами, чтобы создать текст, который, возможно, станет началом вашего большого творческого пути.

Итак, в путь!

Добро пожаловать на наш литературный борт!

³ Юрген Вольф «Литературный мастер-класс», Манн, Иванов и Фербер, 2014 год, пер. Александра Коробейникова.

⁴ Генри Миллер «Избранное. Эссе. Автобиография. романы, повести, эссе. рассказы, автобиография», ВИЛЬНЮС, POLINA, 1995. МОСКВА, ВиМо, 1995.

Часть I

В первой части книги мы рассмотрим самые яркие примеры и приемы писательского мастерства из русской и зарубежной литературы. Если бы мы взяли всех любимых авторов, только список писателей занимал бы несколько страниц, а объем книги стремился бы к бесконечности. Поэтому если вы в оглавлении не найдете «своего» писателя, не огорчайтесь. Изучив книгу и выполнив упражнения, вы сможете взглянуть по-новому на любимые книги или захотите создать собственный текст.

Лучше всего читать главы в предложенной последовательности. В некоторых из них мы будем обращаться к написанному в предыдущих разделах, поэтому читая по порядку, системно, вам будет легче усваивать материал. Однако главы написаны так, что каждая из них вполне автономна – не возбраняется открыть книгу в любом месте, вдохновиться и начать творить.

Николай Гоголь: прожектор героя

*«Еще ни у одного писателя не было этого дара выстав-
лять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой*

силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та **мелочь**, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глазах всех. Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее»⁵.

Так Николай Васильевич Гоголь с абсолютной прямоотой, свойственной только очень дальновидному человеку, говорит о своем писательском таланте, цитируя Пушкина. Давайте вспомним это слово – «пошлость» – мы обязательно разберемся с ним в другой главе.

Но сейчас вернемся к Гоголю. Он рано понял свое призвание и с удивительной объективностью, скажем прямо, редко присущей людям писательского труда, отмечал свои, как сейчас говорят, *hard skills*⁶: «Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел этого свойства... У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных мне известных... Я никогда не писал портрета, в смысле простой копии. Я создавал портрет, но создавал его вследствие **соображенья**, а не **воображенья**»⁷.

Портрет, создаваемый вследствие **соображенья**... Как именно Гоголь это делал? Давайте посмотрим, как Гоголь описывает помещика Манилова во второй главе «Мертвых душ»: «На взгляд он был человек видный; черты лица его бы-

⁵ Викентий Вересаев. Гоголь в жизни. АСТ, 2017.

⁶ Тяжелые навыки (англ.)

⁷ Николай Гоголь. Авторская исповедь. Всероссийский фонд культуры. Псковское отделение, 1990.

ли не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства. Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: “Какой приятный и добрый человек!”. В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: “Черт знает что такое!” – и отойдешь подальше; если ж не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную»⁸.

Вереница образов гоголевских помещиков стоит перед нашими глазами еще с девятого класса. Помните, как мы послушно заучивали очередность посещения Чичиковым помещиков и символичность каждого образа? Движение от Манилова к Плюшкину должно было показать нам омертвление души, спуск в духовный ад и нравственную пустоту.

Чичиков первым делом едет к Манилову. Случайно ли Гоголь поставил сладчайшего мечтателя в начало поездки за мертвыми душами? Очевидно, что нет. По писательскому замыслу, последнюю степень деградации Павел Иванович должен был обнаружить у последнего помещика, тогда как Манилов, на первый взгляд, не внушает опасения и не несет отрицательных черт. Но так ли это на самом деле?

Посмотрите, как Гоголь подводит нас к пониманию маниловского характера, к отсутствию в нем определенности и

⁸ Николай Гоголь. Полное собрание сочинений и писем в 23 томах. – М.: Наука, 2012. – Т. 7.

стержня.

«Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы. Может быть, к ним следует примкнуть и Манилова», – подбирается к персонажу автор⁹.

«Приятный», «сахар», «голубоглазый», «белокурый», чистый Сахар Медович, мужчина видный, – не правда ли, вполне безобидные определения, рисующие нам приятного, доброжелательного человека. Так почему с этим господином, который построил у себя в деревне рядом с господским домом «Храм уединенного размышления», не делает никому зла, чувствуешь «скуку смертную»?

Да-да, **«скуку смертную»!**

Манилов жалуется Чичикову, что в деревне нельзя побеседовать «о любезности, о хорошем обращении, следить какую-нибудь этакую науку, чтобы этак расшевелило душу, дало бы, так сказать, паренье этакое...». Но какие именно паренья нужны Манилову, он не уточняет.

Мечтания Манилова стали притчей во языцех: *«...как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки, потом чрез эту реку начал строиться у него мост, потом огромнейший дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву и там пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных*

⁹ Там же.

предметах»¹⁰.

Текст Гоголя полон деталей: бисерный чехольчик для зубочистки, колченогий медный подсвечник рядом с щегольскими аксессуарами, простые кресла рядом с мебелью, обтянутой шелковой тканью. Все они характеризуют Манилова как прожектера.

Любопытно, как перекликаются описания дома Манилова у Гоголя и комнаты Ильи Ильича Обломова в одноименном романе Ивана Гончарова. Поразительно похожие детали красноречивы: забытая газета и заброшенные книги. Жирным шрифтом я выделила слова и фразы, которые и придают тексту атмосферу заброшенности и запыленности: *«По стенам, около картин, лепилась в виде фестонов паутина, напитанная пылью; зеркала, вместо того чтоб отражать предметы, могли бы служить скорее скрижалями для записывания на них по пыли каких-нибудь заметок на память. Ковры были в пятнах. На диване лежало забытое полотенце; на столе редкое утро не стояла не убранная от вчерашнего ужина тарелка с солонкой и с обглоданной косточкой да не валялись хлебные крошки. Если б не эта тарелка, да не прислоненная к постели только что выкуренная трубка, или не сам хозяин, лежащий на ней, то можно было бы подумать, что тут никто не живет – так все запылилось,*

¹⁰ Николай Гоголь. Полное собрание сочинений и писем в 23 томах. – М.: Наука, 2012. – Т. 7.

полияло и вообще лишено было живых следов человеческого присутствия. На этажерках, правда, лежали две-три развернутые книги, валялась газета, на бюро стояла и чернильница с перьями; но страницы, на которых развернуты были книги, покрылись пылью и пожелтели; видно, что их бросили давно; нумер газеты был прошлогодний, а из чернильницы, если обмакнуть в нее перо, вырвалась бы разве только с жужжаньем испуганная муха»¹¹.

Безымянная жена Манилова – зеркальное отражение супруга. Гоголь весьма ироничен по отношению к сладкой парочке: «Конечно, можно бы заметить, что в доме есть много других занятий, кроме продолжительных поцелуев и сюрпризов, и много бы можно сделать разных запросов. Зачем, например, глупо и без толку готовится на кухне? Зачем довольны пусто в кладовой? Зачем воровка ключница? Зачем нечистоплотны и пьяницы слуги? Зачем вся дворня спит немилосердным образом и повесничает все остальное время? Но все это предметы низкие, а Манилова воспитана хорошо»¹².

(Кстати, посчитайте, сколько раз в этом отрывке Гоголь употребляет вопросительное местоимение «зачем». Зачем (!) он это делает?)

Чичиков, как истинный манипулятор, умеющий подстра-

¹¹ Николай Гоголь. Полное собрание сочинений и писем в 23 томах. – М.: Наука, 2012. – Т. 7.

¹² Там же.

иваться под собеседника, мгновенно схватывает линию поведения с Маниловым. Вот как Павел Иванович давит на самые чувствительные струны нежной и сладкой маниловской души: *«Если б вы знали, какую услугу оказали сей, по-видимому, дрянью человеку без племени и роду! Да и действительно, чего не потерпел я? Как барка какая-нибудь среди свирепых волн... Каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил, а за что? За то, что соблюдал правду, что был чист на своей совести, что подавал руку и вдовице беспомощной, и сироте-горемыке!.. – Тут даже он отер платком выкатившуюся слезу»*¹³.

Рекомендую обязательно посмотреть фильм режиссера Михаила Швейцера «Мертвые души» (1984 год). Как же в этом эпизоде Чичиков в исполнении Александра Калягина виртуозно считывает жесты и мимику Манилова, подстраиваясь под него! Как возвышенно, патетично говорит этот мелкий бес, прельщая Манилова! Он ведет себя не как делец, а как истинная чувствительная душа, на что Манилов и клюет, как рыба на приманку – отдает мертвые души, не взяв за них ни гроша.

Какие первые выводы можно сделать?

Гоголь показывает своего героя в таких обстоятельствах, которые подсвечивают маниловскую бессмысленность и токсичную сладость. Улыбка, не сходящая с уст, чрезмерная обходительность, назойливая предупредительность, обстанов-

¹³ Там же.

ка дома, жена под стать самому хозяину – все это работает на цельный образ героя.

Давайте рассмотрим еще один пример. Извольте любить и жаловать: помещица Настасья Петровна Коробочка.

Ох, сколько же написано школярами сочинений про «дубинноголовую» Коробочку, которая смотрит на нас со страниц школьных учебников для девятиклассников отяжелевшей брыластой женщиной без возраста! А между тем Гоголь предельно ясно показывает деловую и довольно подвижную натуру уважаемой Настасьи Петровны, владелицы 80 крестьянских душ.

Вот один из фрагментов, где гоголевская проза разворачивается во всей своей красоте и гениальности.

Итак, по пути к поместью Собакевича, бричка Чичикова с Селифаном и Петрушкой сбивается с дороги и попадает под проливной дождь. Павел Иванович подъезжает к дому Коробочки. Посмотрите, кто и как его встречает.

«Бричка, въехавши на двор, остановилась перед небольшим домиком, который за темнотою трудно было рассмотреть... Между тем псы заливались всеми возможными голосами: один, забросивши вверх голову, выводил так протяжно и с таким старанием, как будто за это получал Бог знает какое жалованье; другой отхватывал наско-ро, как пономарь; промеж них звенел, как почтовый звонок, неугомонный дискант, вероятно молодого щенка, и все это, наконец, повершал бас, может быть, старик, наделенный

дюзжею собачьей натурой, потому что хрипел, как хрипит певческий контрабас, когда концерт в полном разливе: тенора поднимаются на цыпочки от сильного желания вывести высокую ноту, и все, что ни есть, порывается кверху, закидывая голову, а он один, засунувши небритый подбородок в галстук, присев и опустившись почти до земли, пропускает оттуда свою ноту, от которой трясутся и дребезжат стекла. Уже по одному собачьему лаю, составленному из таких музыкантов, можно было предположить, что деревушка была порядочная; но промокнувший и озябнувший герой наш ни о чем не думал, как только о постели»¹⁴.

Как вы думаете, для чего Гоголь дает такое пространное описание собачьего хора, хотя он ровным счетом никакого отношения не имеет ни к дальнейшему повествованию, ни к личности самой Коробочки?

Свой ответ на этот вопрос дает писатель Владимир Набоков в эссе о Николае Гоголе: «Гоголь творил гоголевскую жизнь. И я подхожу к его «Мертвым душам», как подхожу к прекрасной картине – не рассуждая о том, как звалась флорентийская цветочница, послужившая для художника моделью мадонны. Гоголем надобно наслаждаться на свежую голову, забыв классные сочинения и исторические данные и не оскверняя географическим названием города Н., ку-

¹⁴ Николай Гоголь. Полное собрание сочинений и писем в 23 томах. – М.: Наука, 2012. – Т. 7.

да в прекраснейший день русской прозы въехал Чичиков»¹⁵.

Не имеющий никакого отношения к последующим событиям собачий хор выполняет функцию фона, полотна, на котором Гоголь рисует свой шедевр.

А что же наша Коробочка?

Она встречает промокшего и проголодавшегося Павла Ивановича как положено, без лишних восторгов, немного настороженно, но оказывая все же гостеприимство.

Это «женщина пожилых лет, в каком-то спальном чепце, надетом наскоро, с фланелью на шее, одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на неурожай, убытки и держат голову несколько набок, а между тем набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки, размещенные по ящикам комодов»¹⁶.

Далее мы видим шедевральный мазок гоголевской кисти. Коробочка перечисляет Чичикову помещиков, которые живут неподалеку:

– *Какие же есть?*

– *Бобров, Свинын, Канатьев, Харнакин, Трепакин, Плеваков.*

– *Богатые люди или нет?*

– *Нет, отец, богатых слишком нет. У кого двадцать душ,*

¹⁵ Владимир Набоков. Тень русской ветки. М.: Эксмо-Маркет, Эксмо-Пресс, 2000.

¹⁶ Николай Гоголь. Полное собрание сочинений и писем в 23 томах. – М.: Наука, 2012. – Т. 7.

*у кого тридцать, а таких, чтоб по сотне, таких нет*¹⁷.

Все! Все эти достопочтенные господа средней руки, живущие по соседству с Настасьей Петровной, никогда больше не появятся в поэме. Но представьте, как много потерял бы гоголевский текст, если бы в нем не было ни собачьего хора в имении Коробочки, ни этой говорящей галереи фамилий.

Если нам вздумается пофантазировать, то какими мы представим этих помещиков? Например, как, по-вашему, выглядит Канапатьев? Высокий ли, приземистый? Тучный, с красным, как раньше писали, апоплексическим лицом, или тощий, вертлявый с тонкими ножками и небольшим брюшком, обтянутым старым сюртуком? А Бобров? Наверняка, это уважаемый господин, несмотря на то, что у него максимум 30 душ.

А г-н Харпакин? Язвительный, въедливый, экономный, изводящий домашних и тайком прикладывающийся к спрятанной бутылочке мадеры... Внешний вид, одежда, манера говорить, характер – какими они предстают перед вами?

Вы наверняка слышали о внесценических персонажах? Это герои, которых нет в действии, но они присутствуют в речи других персонажей. Так вот вспомогательные внесценические персонажи помогают автору дополнить характеры основных действующих лиц, пояснить то или иное обстоятельство.

Вспомните, какую сцену видит подъезжающий к усадьбе

¹⁷ Там же.

Манилова Чичиков: *«Вид оживляли две бабы, которые, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всех сторон, брели по колени в пруде, влача за два деревянные кляча изорванный бредень, где видны были два запутавшиеся рака и блестела попавшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою в ссоре и за что-то перебранивались»*¹⁸.

Две ссорящиеся крестьянки за выполнением довольно тяжелой физической работы – не лучший ли это фон, чтобы показать, насколько «сладко» живется у Манилова!

Так и многоуважаемые гг. Бобров, Свиньин, Канапатов, Харпакин, Трепакин и Плешаков призваны подчеркнуть характер самой Коробочки. Ну и конечно же, любимый писателями XIX века прием «говорящих фамилий», но о нем мы поговорим в главе про Антона Павловича Чехова, когда будем читать его рассказ «Хамелеон».

В тексте поэмы «Мертвые души» много таких «фоновых» моментов, позволяющих читателям увидеть всю картину целиком, с запахами, звуками, во всем ее многоцветье. Это и есть тот самый портрет, создаваемый вследствие **соображения**, о котором мы говорили в самом начале главы.

Домашнее задание:

Выберите одного из персонажей, о которых мы говорили в этой главе, и попробуйте довообразить его вслед за Гоголем. Например, куда отправилась Коробочка после отъезда

¹⁸ Николай Гоголь. Полное собрание сочинений и писем в 23 томах. – М.: Наука, 2012. – Т. 7.

чичиковской брички? Может, пошла раздавать на кухне наказы дворовым девкам или в который уж раз взвешивать мешочки с мукой и пшеном? Или в каких выражениях Манилов мог разговаривать с женой, вспоминая визит любезного Павла Ивановича?

Конечно же, вы можете взять любого другого вашего любимого персонажа и представить его таким образом.

Иван Тургенев: искусство показывать, а не рассказывать

Итак, Иван Тургенев «Записки охотника».

Рассказчик (фигура которого, безусловно, неравнозначна фигуре автора) гуляет по полям, по лесам, встречается крестьян, мещан, купцов, дворян – словом, всех, кто оказывается в поле его зрения.

Современные читатели в «Записках охотника» не заметят никакой крамолы. А ведь чиновник, разрешивший выход книги в печать, был уволен.

Почему? Потому что такой концентрации нищеты и безысходности на квадратный сантиметр текста в русской литературе прежде не было.

Когда, несмотря на запреты, рассказы из сборника были опубликованы, они явили миру такое мощнейшее явление как тургеневская проза.

Сегодня мы почитаем рассказ «Певцы» и посмотрим, как именно Тургенев работает со словом.

Сюжет предельно прост: главный герой, мучимый жаждой, останавливается в кабачке и становится свидетелем соревнования певцов-любителей из окрестных сел: Якова-Турка, черпальщика с бумажной фабрики, и рядчика из Жиздры.

Тургеневский охотник-рассказчик показывает читателю жизнь безо всяких назиданий.

Вот нищий крестьянин, пойманный грозой местных воров; вот совершенно, на первый взгляд, непонятно для чего вставленная автором в повествование девочка, поправляющая лялочку на своей рубашонке, больше она никогда в тек-

сте не появится.

Этот прием безоценочного повествования особенно хорош, когда вы хотите, чтобы читатель сам составил мнение о ваших героях или о вас.

Но вернемся к нашему герою-охотнику.

Вот он пришел в село Колотовка и рассказывает: *«Признаться сказать, ни в какое время года Колотовка не представляет отрадного зрелища;... и этот глубокий овраг, и выжженный, запыленный выгон, по которому безнадежно скитаются худые, длинноногие курицы, и серый осиновый сруб с дырами вместо окон, остаток прежнего барского дома, кругом заросший крапивой, бурьяном и полынью, и покрытый гусиным пухом, черный, словно раскаленный пруд...»*¹⁹.

Вот такое безрадостное зрелище.

Давайте обратим внимание на одну деталь: герой видит, как по выгону «скитаются худые, длинноногие курицы». Предлагаю вам посмотреть, как именно работает эта деталь.

Автору необходимо показать и крайнюю нищету Колотовки, и всю безрадостность пейзажа, а потом, на контрасте, нарисовать яркими мазками соревнование певцов, красоту и богатство их голосов и эмоций.

Что же мы видим?

Длинноногих худых куриц. Читатель дорисовывает эту картину: худые куры, бегающие по пыльной земле на длин-

¹⁹ Иван Тургенев. Записки охотника. – М., Азбука, 2021.

ных ногах, бывают только у бедного, нерадивого или ленивого хозяина. У хороших хозяев куры всегда откормлены, они чинно сидят на своих местах или роются в земле в поисках еды.

Тургенев, конечно же, мог написать обо всей этой бедности, о лени и прочем, но он тремя яркими точными словами дает МАКСИМАЛЬНО ясную картину, не пускаясь в пространные объяснения или описания. Вот пример того, когда писатель не рассказывает, а ПОКАЗЫВАЕТ.

У Марка Твена есть замечательная фраза: *«Не говорите: “Старушка закричала”. Выведите ее на сцену и заставьте кричать»*²⁰.

Литературовед Виктор Шкловский дает такой совет молодым писателям: *«В одной литературной студии работали в качестве учеников одна дама, случайно туда попавшая, и мальчик с завода. Дама написала рассказ, в котором подробно перечислила все вещи, стоявшие в комнате рабочего. В комнату же она попала для какого-то обследования. Вещи были все перечислены, и все-таки впечатления тесноты не получалось. Мальчик ей сказал: “Не получается тесно”. Она обернулась к нему и быстро ответила: “Ну, как вы не понимаете, я с муфтой не могла туда войти”. “Вот так и напишите, – сказал мальчик, – тогда получится”*²¹.

²⁰ Марк Твен. Собрание сочинений в 12 томах. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.

²¹ Виктор Шкловский. Техника писательского мастерства. – М.: Молодая гвар-

Будем как Тургенев, последуем советам уважаемых Твена и Шкловского.

Посмотрите, как описывает Тургенев одного из пляшущих мужиков: *«Ничего не могло быть смешней его лица; как он ни вздергивал кверху свои брови, отяжелевшие веки не хотели подняться, а так и лежали на едва заметных, посоловелых, но сладчайших глазках. Он находился в том милом состоянии окончательно подгулявшего человека, когда всякий прохожий, заглянув ему в лицо, непременно скажет: “Хорош, брат, хорош!”»*.²²

Заметьте, ни разу в этом отрывке не появляется слово «пьяный». Но мы видим главного героя словно на сцене: разухабистая пляска, готовность к приключениям, удовольствие от всего действия. Единственно, что позволяет себе рассказчик, это комментарий про «окончательно подгулявшего человека». Не напившегося вусмерть, а именно окончательно подгулявшего. Заметили разницу?

Давайте посмотрим, как прием **«показывать, а не рассказывать»** можно использовать в рекламных текстах.

Например, есть ресторан, в котором готовят из местных продуктов. Рекламный слоган такого ресторана может звучать так: «Мы используем только натуральные продукты». И действительно, блюда приготовлены из натуральных про-

дия, 1930.

²² Иван Тургенев. Записки охотника. – М., Азбука, 2021.

дуктов. Но современный потребитель настолько избалован всеми этими «натурпродуктами», что наша реклама рискует утечь сквозь пальцы, как вода. Что делать? Чему нас научил Тургенев: нужна краткая, яркая деталь: «Мы используем только местные продукты, выращенные в нашем фермерском хозяйстве». Две ключевых фразы – местные и наше фермерское хозяйство – помогут потребителю понять, что в ресторане действительно используются натуральные продукты, которыми вы гордитесь.

Попробуйте, когда будете писать тексты (и не только рекламного характера) использовать этот прием. А когда у вас найдется полчаса свободного времени, откройте «Певцов» Тургенева и неспешно, с удовольствием прочитайте. Смакуйте каждую фразу. Не торопитесь. Уверена, вас ждет немало открытий.

Домашнее задание:

Понаблюдайте за людьми в любом общественном месте. Выберите какого-нибудь человека, посмотрите, как он одет, есть ли в его костюме говорящая деталь, как он разговаривает. Возможно, он слишком громко смеется, нервно поправляет прическу или постоянно роется в сумке. Найдите несколько определений, которые подчеркнули бы особенности этого человека, какие, например, нашел для своего героя Тургенев («окончательно подгулявший», «худые длинноногие курицы»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.